

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Весь день жара была нестерпимой, но под вечер потянуло ветерком с запада, оттуда, где в нагретом воздухе садилось солнце и лежал за поросшими кустарником склонами холмов невидимый и неслышимый отсюда океан. Ветер сотряс ржавые пятерни пальмовых листьев и оживил сухие, увядшие звуки знойного лета — кваканье лягушек, верещанье цикад и нескончаемое биение музыкальных ритмов в лачугах по соседству.

В снисходительном вечернем освещении обшарпанные грязные стены бунгало и заросший бурьяном садик между верандой и пересохшим бассейном уже не казались такими запущенными, да и два англичанина, сидевшие друг против друга в ка-

чалках — перед каждым стакан виски с содовой и старый журнал, — точное подобие своих бесчисленных соотечественников, заброшенных в забытые богом уголки нашего мира, тоже словно бы подверглись на время иллюзорной реставрации.

— Скоро придет Эмброуз Эберкромби, — сказал тот, что был постарше. — Зачем — не знаю. Оставил записку, что придет. Найдите, Деннис, еще стакан, если удастся. — Потом добавил с раздражением: — Кьеркегор, Кафка, Коннолли, Комптон Бернет, Сартр, «Шотландец» Уилсон. Кто они? К чему стремятся?

— Некоторые из этих имен я слышал. Говорили о них в Лондоне перед самым моим отъездом.

— О «Шотландце» Уилсоне тоже?

— Нет. О нем, кажется, нет.

— Вот это «Шотландец» Уилсон. Его рисунки. Вы в них что-нибудь понимаете?

— Нет.

— Я тоже.

Минутное оживление сэра Фрэнсиса Хинзли сменилось апатией. Он разжал пальцы, выпустив из рук журнал «Горизонт», и неподвижный взгляд его уперся

в темный провал давно высохшего бассейна. У сэра Фрэнсиса было нервное, умное лицо, черты которого несколько утратили свою четкость за годы ленивой жизни и неизменной скуки.

— Когда-то говорили о Гопкинсе, — продолжал он, — о Джойсе, о Фрейде, о Гертруде Стайн. Этих я тоже не понимал. До меня всегда туго доходило новое. «Влияние Золя на Арнольда Беннетта» или «Влияние Хенли на Флекера». Ближе я к современности не подходил. Мои коронные темы были «Англиканский пастор в английской прозе» или «Кавалерийская атака в поэзии» — все в таком роде. Похоже, тогда это нравилось публике. Потом она потеряла к этому интерес. Я тоже. Я всегда был самый утомимый из писак. Мне нужно было сменить обстановку. И я никогда не жалел, что уехал. Здешний климат мне по душе. Люди здесь вполне пристойные и великодушные, и главное — они вовсе не требуют, чтобы их слушали. Всегда помните об этом, мой мальчик. В этом секрет непринужденности, с какой здесь держатся. Здесь говорят исключительно для собственного удовольствия.

Ничто из сказанного этими людьми и не рассчитано на то, чтобы их слушали.

— Вон идет Эмброуз Эберкромби, — сказал молодой англичанин.

— Привет, Фрэнк. Привет, Барлоу, — сказал сэр Эмброуз Эберкромби, поднимаясь по ступенькам веранды. — Ну и жарница была нынче. Присяду с вашего позволения. Хватит. — Он повернулся к молодому англичанину, наливавшему ему виски. — Теперь дополна содовой, пожалуйста.

Сэр Эмброуз носил костюм из темно-серой фланели, галстук итонской крикетной команды и соломенную шляпу, на которой была лента цветов фешенебельного крикетного клуба Англии. В этом костюме он неизменно появлялся в солнечные дни, а когда погода давала для этого повод, надевал фуражку с большим козырьком и шотландскую накидку с капюшоном. Ему было, как туманно выражалась леди Эберкромби, «около шестидесяти», однако, потратив долгие усилия на то, чтоб казаться моложе своих лет, он уповал теперь на почести, которые приносит возраст. В самое последнее время его по-

чему-то стало тешить прозвище Наш Старикан.

— Давно уже собирался навестить вас. Вот что здесь паршиво, так это то, что дел до черта, дела тебя засасывают и не остается времени для контактов. А нам ведь не годится терять связь. Мы, англичашки, должны держаться вместе. И ты тоже не должен прятаться, Фрэнк, слышишь, старый отшельник.

— Я еще помню время, когда ты жил здесь по соседству.

— Правда? Подумать только. Ты, должно быть, прав. Давненько же это было. Еще до того, как мы перебрались на Беверли-Хиллз. Ты знаешь, конечно, что теперь-то мы в Бел-Эйр. Сказать по правде, там мне тоже не сидится. Я купил участок на Пэсифик-Пэлисейдз. Жду только, когда строительство подешевеет. Так где ж это я тогда жил? Вон там, напротив, через улицу?

Именно там, через улицу, лет двадцать тому назад или больше, когда этот ныне заброшенный район был еще самым фешенебельным. Сэр Фрэнсис, едва вступивший в средний возраст, был в те времена единственным аристократом в Голливуде,

старейшиной здешнего английского общества, главным сценаристом компании «Мегалополитен пикчерз» и президентом крикетного клуба. В те времена молодой, или моложавый, Эмброуз Эберкромби мельтешил на съемочных площадках, создавая свою знаменитую серию изнуряющих акробатически-героически-исторических ролей, и почти каждый вечер заходил к сэру Фрэнсису, чтобы подкрепиться. Теперь английские титулы наводняли Голливуд, и некоторые были подлинными, а сэр Эберкромби, как передавали, с пренебрежением отзывался о сэре Фрэнсисе, называя его «аристократом эпохи Ллойд Джорджа»¹. Сапоги-скороходы, стремительная обувь неудачника, далеко унесли старого джентльмена от стареющего. На студии сэр Фрэнсис опустился до отдела рекламы, а в крикетном клубе был теперь лишь одним из десятка его вице-президентов. И плавательный бассейн, в котором некогда, точно в аквариуме, поблескивали длинные конечности забытых ныне краса-

¹ Намек на то, что титулы во времена Ллойд Джорджа можно было приобрести и не вполне благовидным путем. (Здесь и далее примеч. перев.)

виц, был пуст, потрескался и зарос сорной травой.

И все-таки между двумя джентльменами сохранилось какое-то подобие рыцарственной связи.

— Как дела у вас в «Мегало»? — спросил сэр Эмброуз.

— Сильно обеспокоены. Неприятности с Хуанитой дель Пабло.

— Сладострастная, томительная и ненасытная?

— Эпитеты не совсем те. Ее называют, точнее сказать, называли «вспыльчивой, блистательной и садистски жестокой». Можешь мне поверить, потому что я сам эти эпитеты придумал. Тогда это было, как здесь выражаются, экстра-класс и внесло новую струю в рекламу кинозвезд.

Мисс дель Пабло была с самого начала под моим особым покровительством. Я помню день, когда она здесь появилась. Ее купил бедняга Лео — за глаза ее. Звали ее тогда Крошка Ааронсон — у нее были великолепные глаза и роскошные черные волосы. Так что Лео сделал из нее испанку. Он больше чем наполовину укоротил ей нос и послал на шесть недель в Мекси-

ку изучать стиль фламенко. Потом передал ее мне. Это я придумал ей имя. Это я сделал ее антифашистской беженкой. Это я объявил, что она возненавидела мужчин после того, что ей пришлось претерпеть от франкистских марокканцев. Тогда это был новый поворот. И он сработал. Она и впрямь была очень хороша в своем роде — этакий, знаешь ли, устрашающий природный оскал. Ноги у нее, правда, никогда не были фотогеничными, но мы выпускали ее в длинных юбках, а в сценах насилия снимали нижнюю часть тела с дублершей. Я гордился ею, и она годна была еще по меньшей мере лет на десять работы.

Ну а теперь тут у них в верхах новая политика. В этом году мы выпускаем только здоровые фильмы, чтобы угодить Лиге благопристойности. Так что бедной Хуаните приходится начинать все сначала — в ампула ирландской простушки. Ей осветлили волосы и выкрасили их в морковный цвет. Я им объяснил, что ирландские простушки темноволосые, но консультант по цвету настоял на морковном. Она теперь по десять часов в день учится говорить с ирландским акцентом, а ей, бедняж-

ке, еще вдобавок вытащили все зубы. Раньше ей никогда не приходилось улыбаться открытой улыбкой, а для злой усмешки ее собственные зубы были совсем не плохи. Теперь ей все время придется хохотать как безумной. Значит, нужны зубные протезы.

Я бился три дня, подыскивая для нее подходящее имя. Ни одно ей не понравилось. Предложил Морин — так их тут уже две; Диэйдра — никто не смог это выговорить; Уна — звучит по-китайски; Бриджит — слишком банально. Просто она не в духе, вот и все.

Сэр Эмброуз в соответствии с местным обычаем не слышал почти ничего из того, что говорил его собеседник.

— Да-да, — сказал он, — здоровые фильмы. Идея, конечно, правильная. Я заявил в «Клубе ножа и вилки»: «Всю жизнь я придерживался в кинематографе двух принципов: никогда не делай перед кинокамерой того, чего не сделал бы дома, и никогда не делай дома того, чего не сделал бы перед камерой».

Он стал подробно развивать эту тему, а сэр Фрэнсис в свою очередь углубился

в собственные мысли. Так два аристократа добрый час просидели рядом в качалках, то давая волю красноречию, то рассеянно погружаясь в думы и созерцая вечерние сумерки сквозь монокли, и молодой человек наполнял время от времени их стаканы, а заодно и свой собственный.

Вечерний час располагал к воспоминаниям, и, когда собеседник его брал слово, сэр Фрэнсис мысленно переносился на четверть века назад, на туманные лондонские улицы, только что освободившиеся на вечные времена и покуда стоит мир от страха перед цеппелинами; перед его глазами вставали то Хэролд Монро, читающий стихи в Книжной лавке поэтов; то последнее выступление Бландена в «Лондонском Меркурии»; то появление Робэна де ла Кондамина на утренниках в «Фениксе»; то обеда со знаменитой Мод на Гровнер-сквер; то чаепития со знаменитым Госсом на Хэновер-террас; то утро, когда он и еще одиннадцать рифмоплетов-неврастеников встретились в пивной на Флит-стрит, чтобы отправиться на денек в Метроленд и поиграть в крикет, а посыльный с гранками из редакции нашел его там

и стал хватать за рукав на ходу; то бесчисленные тосты на бесчисленных банкетах в честь бесчисленных сынов отчизны, чья бессмертная память...

У сэра Эмброуза было больше всяких передряг в прошлом, но жил он настоящим. Размышляя о своем нынешнем положении, сэр Эмброуз неторопливо и любовно перебирал в уме все преимущества этого положения.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я, пожалуй, поплетусь. Хозяюшка моя небось заждалась. — Однако он почему-то не встал, а повернулся вместо этого к молодому человеку: — Ну а как ваши дела, Барлоу? Что-то давненько вас не видно на нашем крикетном поле. Должно быть, много работы на «Мегало»?

— Нет. Собственно говоря, срок моего контракта истек три недели назад.

— Ах вот как! Но вы, наверно, даже рады сейчас отдохнуть. Я вот наверняка был бы рад. — (Молодой человек промолчал.) — Хотите послушаться моего совета? Сидите спокойно дома, пока не подвернется что-нибудь приличное. Не хватайтесь за первое, что предложат. Эти люди умеют ува-

жать человека, который знает себе цену. И очень важно сохранить уважение этих людей.

У нас, англичашек, положение тут особое, сами знаете, Барлоу. Эти люди, может, и посмеиваются над нами слегка — над тем, как мы говорим, как одеваемся, над нашими моноклями, — может, им кажется, что мы слишком чопорны и держимся особняком, но, видит бог, они нас уважают. И ваше слово для них гарантия качества. Эти люди не станут зря платить, так что здесь вы встретите только самый цвет английской нации. Я иногда чувствую себя чем-то вроде посла, Барлоу. Я имею в виду ответственность, и ее в той или иной степени несет здесь каждый англичанин. Конечно, мы не можем быть все на самом верху, но все мы на ответственных ролях. Вы никогда не встретите англичанина в самых низах — кроме как в Англии, конечно. И здесь это понимают благодаря тону, который мы задали. Есть должности, на которые англичанин просто не пойдет.

Несколько лет назад произошел печальный случай с одним весьма приличным молодым человеком, который приехал сю-

да на должность художника-декоратора. Неглупый малый, однако он тут совсем одичал — стал носить покупные туфли, ремень вместо подтяжек, расхаживал без галстука и ел в этих аптечных забегаловках. А потом — вы просто не поверите — ушел со студии и открыл ресторанчик на паях с каким-то итальянцем. Тот его, конечно, надул, и вскоре он уже стоял за стойкой — смешивал коктейли. Жуткая история. Мы собрали в крикетном клубе деньги по подписке, хотели отослать его обратно в Англию, так этот мерзавец не захотел ехать. Сказал, что ему тут, видите ли, нравится. Человек этот причинил нам непоправимое зло, Барлоу. Иначе как дезертирством это не назовешь. К счастью, тут началась война. Он отправился домой как миленький и был убит в Норвегии. Он искупил свою вину, но я всегда думаю, насколько же лучше не иметь вины, которую следует искупить.

Так вот, у вас есть имя в вашей собственной сфере, Барлоу. Иначе вы бы здесь не оказались. Конечно, сейчас спрос на поэтов не такой уж большой, но рано или поздно поэт им понадобится, и вот тогда

они придут к вам на поклон — если только, конечно, вы не сделаете за это время ничего такого, что уронило бы вас в их глазах. Вы меня понимаете?

Ну ладно, я что-то совсем заболтался с вами, а дома моя хозяйюшка ждет меня к ужину. Я уж поплетусь. До свиданья, Фрэнк, рад был с тобой побеседовать. Заглядывал бы почаще к нам в крикетный клуб. До свиданья, молодой человек, и запомните то, что я вам сказал. Вы можете подумать: вот ведь старый хрыч, учить вздумал, но поверьте, уж в этом-то я кое-что смыслю. Не надо, не провожайте, дорогу я знаю.

Было уже совсем темно. Фары автомобиля, ждавшего их гостя у калитки, разбрызгали сверкающий веер лучей за пальмами, скользнули по фасаду бунгало и постепенно померкли в стороне Голливудского бульвара.

— Что вы поняли из всего этого? — спросил Деннис Барлоу.

— Он что-то прослышал. Оттого и приехал.

— Это должно было выплыть наружу.

— Разумеется. И если расценивать изгнание из здешнего английского общества

как мученичество, можете приготовить к нимбу и пальмовой ветви. Вы сегодня не были на службе?

— Я в ночную смену. Мне даже удалось сегодня кое-что написать. Тридцать строк. Хотите взглянуть?

— Нет, — сказал сэр Фрэнк. — Одно из бесчисленных преимуществ моего изгнания — то, что мне не приходится читать неопубликованных стихов и, если на то пошло, вообще никаких стихов, опубликованных или неопубликованных. Заберите их, мой мальчик, шлифуйте и отделявайте на досуге. Меня они только расстроят. Я не пойму их и, может, даже усомнюсь в целесообразности вашей жертвы, которую я сейчас так горячо одобряю. Вы — молодой гений, надежда английской поэзии. Я слышал об этом, и я в это свято верю. Я выполнил свой долг перед искусством уже тем, что помог вам бежать из упряжки, с которой сам давно и счастливо примирился.

Вас не водили в детстве на рождественское представление, которое называется «У конца радуги»? Очень глупая пьеска. Там святой Георгий и какой-то мичман ле-

тят на ковре-самолете спасать детей, которые заблудились и попали в страну Дракона. Так вот, мне это всегда казалось грубым вмешательством в чужую жизнь. Эти детишки были там совершенно счастливы. Получая письма из дому, насколько мне помнится, они кланялись с почтительностью, но даже не вскрывали их. Ваши стихи для меня — это письма из дому, так же как и Кьеркегор, и Кафка, и «Шотландец» Уилсон. Я кланяюсь, не возмущаясь и не протестуя. Налейте мне еще, дружок. Я ведь ваше *memento mori*¹. Я крепко завяз в путах короля Дракона. Голливуд стал моей жизнью.

Вы, может быть, видели тут в одном из журналов фотографию отрезанной собачьей головы — русские, осуществляя какие-то гнусные планы Москвы, поддерживают жизнь в этой голове, подкачивая в нее кровь из бутылочки. Так вот, когда эта собачья голова чует кошачий запах, с языка у нее капает слюна. Так и мы здесь все. Студии подкачивают в нас жизнь из бутылочки. Так что мы еще сохраняем способ-

¹ Помни о смерти (*лат.*).

ность к нескольким простейшим реакциям — но не более того. А если нас когда-нибудь отсоединят от бутылочки, мы просто погибнем. Мне приятно думать, что именно мой пример, который был у вас перед глазами изо дня в день больше года, вдохновил вас на героическое решение обосноваться в независимой профессии. Вы видели пример, а время от времени, вероятно, слышали и совет. Уж я, должно быть, не жалел слов, убеждая вас бросить студию, пока вы еще можете это сделать.

— Да, убеждали. Тысячу раз.

— Ну уж, конечно, не так часто. Раз или два, находясь в подпитии. Но уж не тысячу. И мой совет, вероятно, сводился к тому, чтобы вы вернулись в Европу. Однако никогда я не рекомендовал вам ничего столь безудержно мрачного, прямо-таки елизаветински жуткого, как эта работа, которую вы выбрали. Ну а что, ваш нынешний хозяин доволен вами, как вы думаете?

— Мои манеры соответствуют. Так он сказал мне вчера. Человек, который работал до меня, оскорблял чувства клиентов трудовым энтузиазмом. Я кажусь им почтительным. Из-за сочетания моей мелан-

холии с английским акцентом. Некоторые наши клиенты уже отзывались об этом с одобрением.

— Ну а наши соотечественники? Боюсь, что от них мы не можем ждать сочувствия. Как выразился наш гость? «Есть должности, на которые англичанин просто не пойдет». Ваша должность, мой мальчик, стоит в этом ряду далеко не последней.

После ужина Деннис Барлоу отправился на работу. Он мчался в машине по направлению к Бербанку, мимо ярко освещенных мотелей, мимо позлащенных врат и залитых светом храмов в мемориальном парке «Шелестящего дола», до самой окраины, где размещалось его бюро. Мисс Майра Поски, его сослуживица, ожидала сменщика, освежив косметику и уже водрузив на голову шляпку.

— Надеюсь, не опоздал?

— Вы умничка. У меня свидание возле планетария, не то б я непременно осталась и сварила вам чашечку кофе. Работы весь день не было — разослала несколько поминальных карточек, вот и все. Да, мистер Шульц сказал, что, если что-нибудь посту-

пит, ставьте сразу на лед — такая жара. Ну, счастливо. — И она ушла, оставив бюро на Денниса.

Контора была обставлена с мрачной изысканностью, оживляемой лишь двумя бронзовыми щенками на камине. Только низенькая стальная тележка, отделанная белой эмалью, отличала эту контору от сотни тысяч других американских контор и приемных, тележка да еще больничный запах. Около телефона стояла вазочка с розами — запах роз мешался с запахом карболки, однако не мог его одолеть.

Деннис уселся в одно из кресел, положил ноги на тележку и погрузился в чтение. Служба в военно-воздушных силах превратила его из простого любителя чтения в запойного книгочея. Существовали некоторые вполне известные и даже избитые стихотворные строки, которые из всего множества ассоциаций с неизбежностью рождали в нем именно те ощущения, которых он жаждал; он не экспериментировал — это было патентованное средство, его надежное снадобье, великое колдовство. Он открывал антологию, как женщина вскрывает пачку любимых сигарет.